

ИЗ ЖИЗНИ ОСКОЛКОВ

(Ефим Бершин, *Маски духа. Серия «Интеллектуальная проза российских авторов»*. – М., Эксмо, 2018)

Безусловно, Ефим Бершин, в первую очередь, поэт. И, к счастью, никакие «лета» ни к какой «суровой прозе» его не клонят, хотя три книги в прозе он написал. Конечно, документально-художественная повесть «Дикое поле» родилась благодаря многолетней журналистской работе и командировкам в «горячие точки». Но именно она, написанная сразу в нескольких жанрах, неожиданно заставила Бершина на время переключиться со стихов на прозу. Она же стала и пробой прозаического пера, и попыткой отыскать собственный стиль в прозе. Поэтому в романе «Маски духа» мы увидели уже совершенно другого Бершина – писателя, породившего свой собственный жанр, который сам же условно назвал жанром «глобального реализма».

Конечно, и здесь у него встречаются военные реалии, мозаично переплетающиеся с другими, «гражданскими» событиями. Сочный юмор «Масок» вызывает в памяти прозу Бабеля. Название книги, которое вначале по звучанию казалось мне спорным, затем, по мере прочтения, стало представляться единственно возможным. Маска – связующий образ, который проходит через всё повествование. Всё начинается с маски, в которой один из сподвижников Григория Котовского вслед за комбригом врывается в Одесский оперный театр. По удивительному стечению обстоятельств, этот «человек в маске» оказался впоследствии дедом главного героя книги.

Автор и главный герой книги – одно лицо, что помогает перемежать и чередовать в книге реалистические фрагменты с фантастическими и откровенно сюрреалистическими. По тому же пути пошла в книге «Двор чудес» известная писательница Кира Сапир. Но «Маски духа» написаны Ефимом Бершиным гораздо раньше. Данное издание – переиздание более ранней книги («Деком», Нижний Новгород, 2007).

В романе Бершина внезапно «сломалось» время. И никто не смог его починить. *«Вот представь, мой друг, у всех часы остановились, а мои, как ни странно, всё ещё ходят. И что делать? Никто ведь не обязан жить по моим часам. Все живут так, как им удобно»*. Из-за метаморфозы с часами всё и произошло. Все стали жить, *«как живут после взрыва осколки, как живут блуждающие по небу мысли»*. Осколки – фундаментальное понятие в творчестве Бершина. Поэтому герой Бершина, действительно, напоминает осколок, летящий неведомо куда, путешествующий по разным эпохам своей и не только своей жизни. Вспоминаем ведь мы не хронологически, а как придётся – невпопад; не по степени важности, а по неведомой целесообразности памяти. И в этом плане «Маски духа» – это ещё и художественная автобиография поэта, чрезвычайно важная в плане понимания его личности, самоутверждения и самостояния. Оказывается, Ефим однажды чудом избежал тюрьмы! А посадить его хотели... за человечность, доброту и отзывчивость, за участие в судьбе другого человека. Такое случалось, и не раз, в советской стране. А ещё «Маски духа» пронизывает мандельштамовская мысль о том, что поэт – «ворует» воздух. Плагиатор ворует строчки, а поэт – воздух. Ворует для того, чтобы дышать. И писать стихи «без разрешения».

Но вернёмся к маскам. «Теперь маски хорошо идут, – философствовал Шурик. – Картины никому не нужны, а маски идут. И это правильно. Маска – это всё. Маска возвращает справедливость и исправляет ошибки. Надел маску – и готово, красавец. Пусть что хотят, думают. Избавляет, кстати, от комплексов». Вот эта последняя мысль представляется мне очень глубокой. Люди часто болезненно реагируют на то, что о них думают другие. И, «сопротивляясь» тому, что возмнили о них другие люди, начинают искать для себя образ, «маску», за которой можно было бы спрятаться, защититься. То есть наши комплексы – прямая дорога к творчеству, которое может оказаться интересным даже последующим поколениям. А ведь ещё есть и посмертная маска! Мостик между двумя жизнями.

Мастерство Бершина-поэта и Бершина-прозаика, на мой взгляд, равноценно. И, если Бершин-поэт более известен, нежели его визави-прозаик, причиной тому исключительное предпочтение, которое оказывает русский народ поэзии перед прочими литературными жанрами. Поэзия Ефима Бершина во многом носит драматический, а то и трагический характер. И, конечно, мы бы многое потеряли, если бы ничего не узнали о Бершине-прозаике. Потому как в прозе у Ефима появляется тонкий, первоклассный юмор. То, чего нет (или почти нет) в стихах. «Маски духа» – книга местами гомерически смешная. Это юмор поэта, в котором одесские анекдоты соседствуют с забавными фразами, которые, то и дело, произносят герои. Чего стоит, например, *«египетский безродный космополит Моисей»!* Или вот – *«поэты ведь не люди, а так – ярмарка болезненного тщеславия, корабль прокажённых»*. Юмор у Бершина – с саркастическим уклоном. Переходя на язык автора книги, скажу: художественность у Ефима – маска документальности. «Приднестровские» фрагменты боевых действий – практически документальные. Как мы видим, фантазмагории не противоречат документальности, почерпнутой из личного военного опыта автора. Бершин в прозе

– замечательный портретист. Вот он, например, оказался случайным свидетелем примирения Андрея Синявского с Владимиром Максимовым. И даже сам в немалой степени способствовал этому примирению, принеся им, когда они не знали, с чего начать разговор, «чайник мира». И вот – Ефим рисует портрет Владимира Максимова: *«Рядом шёл знаменитый редактор, владыка эмиграционной литературы и публицистики Владимир Емельянович Максимов – промокший больной старик, который всю дорогу жаловался на жизнь, на болезни, на чужую неблагодарность. И страшно переживал за судьбу своей далёкой суицидной страны, которая к тому времени уже покончила жизнь самоубийством и беспомощно валялась на перекрёстке истории»*. Сильно!

Ефим Бершин создаёт в своих «Масках» «дрейфующее» повествование, калейдоскоп духа, и всё в этом мире живёт по часам автора. Поскольку эссе о поэтах у Бершина всегда основаны на личном знакомстве и воспоминаниях, они отменно легли в алгоритм новой прозы. «Маски духа» – атмосферная книга. Автор может не говорить нам, в какое время происходит действие. Однако по внутренней атмосфере мы легко определяем: это, скажем, восьмидесятые. А это – уже девяностые. Общая временная перспектива книги охватывает сто лет. Но поскольку часы у всех сломались, все события, независимо от эпохи, происходят на романном пространстве синхронно. Невозможно точно определить жанр «Масок». Рассказ? Эссе? Повесть? Роман? На мой взгляд, по жанру «Маски» близки к «Опытам» Монтеня. Ефим Бершин – это наш новый Монтень. Он «гуляет», как и французский классик, «вдоль и поперёк времени». «В истории никто не может умереть», – говорит Носатый, дед автора и главного героя. Мультиинструменталист Бершин виртуозно ведёт свою фугу. Голоса исторических личностей периодически возвращаются, чтобы поведать нам что-нибудь ещё из своей жизни, и эта анафора закрепляет их в качестве главных героев повествования. Переосмысливается роль некоторых исторических личностей. Так, например, на извечный русский вопрос «кто виноват?» автор «Масок духа» безапелляционно, но при этом парадоксально отвечает: во всём виноват Пикассо. Именно он своими кубистическими уродствами привнёс в жизнь дисбаланс и агрессию. «Расчленёнка», придуманная этим художником, положила конец прекрасной эпохе. Это, конечно, юмор. Но доля истины в этом тоже есть. Логически можно обосновать всё что угодно. И «масс-кидуха», безусловно, в книге тоже есть. Массы в переломные и смутные моменты истории всё время кидает из стороны в сторону, из огня да в полымя.

У меня сложилось впечатление, что в концовке «Масок» смех постепенно выветривается из текста, и рассказ становится всё более и более серьёзным. Бершин в прозе, как и в поэзии, многое не договаривает, и это придаёт повествованию дополнительный объём. Ефим создает точные портреты своих современников – поэтов и прозаиков: Синявского, Максимова, Левитанского, Блажеевского, Чичибабина, Рейна... Причём он вовсе не озабочен тем, чтобы их живописать – это получается у него само собой. Забавное и трагичное в судьбах героев переплетаются в один гордиев узел, который нам, читателям, не дано разрубить. «Тотальность», одновременность разнообразных событий, описываемых в «Масках», привлекает нас в водоворот, подобный космическим чёрным дырам. Не успеешь избежать одной опасности, как на тебя тут же накатывает другая. Нет, это не калейдоскоп и не мозаика. Это – спонтанные сны, обрывки сновидений, тасующие ночами, как колоду карт, нашу дневную действительность. Но автору удалось фрагментарность переплавить в цельность. Так что польза может быть и от «осколков».

Ефим Бершин написал очень глубокую книгу. Отдельные её страницы можно читать как философскую афористическую прозу. Ничем не хуже Паскаля или Ницше. Вот, например: *«Всякая победа добра над злом порождает новое зло. И дело тут не в добре и зле. Дело в победе. Потому что всякая победа сама по себе уже есть зло. И, победив, добро тут же оборачивается злом. Ещё большим злом, потому что неизменно выступает в маске добра. И потом годы, а то и десятилетия уходят на то, чтобы распознать зло, притаившееся под маской добра. Поэтому не нужно побеждать зло. Оно вечно, как и добро»*. И так убедительно Ефим всё это разложил по полочкам в своей книге – убедительно в самой своей парадоксальности, что я уже готов был, читая, подписаться под каждым его словом. Но как быть с тем, что любой человек с детства настроен только на победу! Как же быть? Быть – или не быть? У меня на гамлетовский вопрос нет ответа. Возможно, какой-нибудь талантливый читатель ответит нам на этот экзистенциальный вековой вопрос. Я же хочу поблагодарить Ефима Бершина за яркую, нешаблонную, будоражащую сознание книгу.

ЖАЖДА РАЗНООБРАЗИЯ И РАЗНООБРАЗИЕ ЖАЖДЫ

(Андрей Коровин, «Кымбер бымбер». Стихи и истории. – М., ArsivBooks, 2018)

Все поэты – люди разного душевного склада. Кому-то строчки достаются мучительно тяжело, со скрипом. А кому-то легко, воздушно, непрекращающимся потоком сознания. Это – просто индивидуальная особенность, которая ничего нам не сообщает о качестве стихотворений. Поэт Андрей Коровин, пишущий много, попросил двух своих друзей, не отличающихся сверхпроизводительностью (имена первого ряда), отобрать для готовящейся книги «Кымбер бымбер» самые лучшие стихи, написанные за последний год. И, таким образом, невольно «переложил» ответственность за книгу на своих друзей. Казалось бы, это беспротитышный вариант. Но на проверку редакторский отбор, произведённый друзьями, оказался, на мой взгляд, достаточно либеральным. Может быть, Коровину имеет смысл издавать небольшие, но цельные и концептуально выверенные книжки? Такие, как «Пролитое солнце». Вот только поэту всегда хочется большего. Стихи – это как дети. Не каждый ребёнок получается у родителей удачным. Но разве это повод от него отказываться? То же самое – со стихами. Если ты их написал – разве выбросишь? Если написал за год 200 стихотворений, больно три четверти из них не включить в книгу. Может быть, нам просто нужно научиться «правильно» читать книги Коровина? Как читать неправильно, показала недавно критик «Знамени» Светлана Кирибаум. У Андрея в новой книге – много замечательных, проникновенных, незаурядных строк:

*грам и молния позднего мая
на прощанье победный салют
эта музыка глухонемая
здесь её разливают и пьют*

В своё время Макс Волошин очень любопытно говорил Марине Цветаевой о её стихах: «Марина! Ты сама себе вредишь избытком. В тебе материал десяти поэтов и сплошь – замечательных!.. А ты не хочешь (вкрадчиво) все свои стихи о России, например, напечатать от лица какого-нибудь его, ну хоть Петухова? Ты увидишь (разгораясь), как их через десять дней вся Москва и весь Петербург будут знать наизусть». Когда я читаю или слушаю Андрея Коровина, у меня возникает впечатление, аналогичное тому, которое вызывали у Волошина стихи Цветаевой. Множество талантливых «Петуховых». И, когда «Петуховы» Коровина встречаются на пространстве одного издания, читать такую книгу бывает непросто. Подспудно возникает желание, чтобы всё это лингвистически-стилистическое богатство было хотя бы расфасовано «по полочкам». Всех «Петуховых» Андрея Коровина я бы условно разделил на два подвида: стихи сугубо лирические и стихи «обэриутские». И ещё – по сложности. Такое ощущение, что нынешний Коровин – это ранний и поздний Кузмин в одном флаконе. И прекрасная ясность «Александрийских песен», и цветущая сложность последней книги «Форея разбивает лёд». Причём и простой Коровин, и сложный одинаково нам важны! Есть у поэта стихи такой мощи и цельности, что невозможно пройти мимо:

*а когда напролом растения пробивают земную твердь
ты попробуй остаться маленьким ты попробуй не умереть
ты попробуй пройти навьлет жизнь и выйти на белый свет
и тогда ты легко увидишь смерти нет понимаешь нет*

.....
*оставайся живым и маленьким у России под каблуком
а от смерти всегда есть валенки чай с берёзовым молоком
и летящие и гудящие пассажирские поезда
даже кровь и та настоящая
и под сердцем в груди
звезда*

«Кымбер бымбер» словно бы топорщится, разрастается иголками во все стороны, это такая книга-ёжик. Когда пишешь много экспериментальных стихов, ты всегда – в зоне риска. «Пограничная» стилистика может привести как к удачам, так и к неудачам. Скажу больше: есть принципиальная разница между лирическим и экспериментальным стихотворением. Они по-разному звучат и воспринимаются на слух.